

УДК 801.7

**ТЕКСТ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
КАК НОВАТОРСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ¹**

Н.М. Старцева

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
e-mail: nstarceva@bk.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Статья посвящена вопросам французского влияния на жизнь русских дворян начала XIX века. На примере героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором значительное место отведено описанию русского общества начала XIX столетия, показаны некоторые векторы взаимодействия французской культуры и в частности французского языка с этическими и эстетическими установками русского дворянства.

***Ключевые слова:** французская дворянская культура, галломания, роман-эпопея «Война и мир», национальные традиции.*

Роман-эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир» можно без преувеличения назвать энциклопедией жизни русского дворянства начала XIX века. Автору удалось показать широкую панораму российского общества во всех подробностях и мелочах повседневного быта, описать занятия, пристрастия, семейные традиции дворян на примере отдельных представителей разных групп дворянского сословия того времени. Об этом еще в период публикации «Войны и мира» в работе «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого "Война и мир"» писал П.В. Анненков, утверждавший, что перед читателем уникальное произведение, которое «не переставая быть романом», является также «историей культуры по отношению к одной части нашего общества, политической и социальной нашей истории», которое «могло бы представить из себя любопытное и редкое соединение олицетворенных и драматизированных документов с поэзией и фантазией свободного вымысла» [Анненков 2003: 54].

Несложно заметить, что в романе-эпопее автор часто использует французский язык, на котором говорят или пишут герои «Войны и мира». Французский в это время был языком великосветских салонов, дипломатии, культуры, дворянского быта. Считалось, что «французы, добившись изящества речи, добились способности высказывать не только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

важные, но и самые ничтожные вещи интересным образом, остроумно и эффектно. Эта меткость французского ума и слога имеют много привлекательного, особенно в общественной жизни» [Ремер 1869: 9].

Нужно сказать, что в описываемый период среди русского дворянства восприятие французской культуры было далеко не одинаковым, однако влияние этой европейской культуры коснулось всего дворянства – и столичного светского, и провинциального помещного. Передовая часть сословия воспринимала французскую культуру как канал приобщения к общеевропейскому наследию. Такая ситуация была характерна для всей Европы: владение французским языком, например, было обязательным и для немецких, и для польских, и для австрийских дворян, потому что воспринималось как необходимый компонент аристократической культуры.

С элементами культуры Франции русский дворянин начинал соприкасаться еще в детстве: его воспитывали иностранцы-гувернеры, он учил устный и письменный французский язык, читал книги из домашней библиотеки на этом языке (достаточно вспомнить семейную библиотеку Пушкиных, благодаря которой ко времени поступления в Царскосельский лицей Александр Сергеевич великолепно читал по-французски и знал наизусть множество поэтических произведений) и т.д. Далее мальчики продолжали изучение французского языка и литературы в пансионе, лицее, университете или кадетском корпусе, а девочки – дома. Подходя ко времени службы (для мужчин) или выходу в свет (для женщин), молодой человек не мог не говорить и не читать бегло по-французски, не знать расхожих фраз и выражений или стихов, чтобы заполнять ими альбомы знакомых дам. Подтверждение этой мысли можно найти в романе-эпопее, если обратиться к образу Бориса Друбецкого, который с помощью различных ухищрений своей матери и собственных талантов делает блестящую карьеру.

В первых главах романа о познаниях Бориса во французском ничего не известно, сам он не переходит на этот язык, потому что круг его общения – это молодые Ростовы. А вот блестящий, подающий большие надежды адъютант Друбецкой, попавший в качестве интересного гостя в салон Анны Павловны Шерер, говорил *«чистым и правильным французским языком»* [Толстой 1953: 1: 468], и в альбом своей потенциальной невесты Жюли Карагиной он пишет меланхоличные стихи на этом же языке.

Использует французский при необходимости и Андрей Болконский. Он не только великолепно образованный человек из старинного дворянского рода, но и тот, кто в любом деле старается быть первым, дойти до самой сути каждого вопроса. Высокую степень его владения французским языком автор подчеркивает такой деталью: князь Андрей даже при произнесении русских имен собственных, включенных во

французский контекст, «ударял на последнем слоге zoff, как француз» [Толстой 1953: 1: 20]. Болконский даже думает иногда по-французски, потому что для него, умного и образованного, это естественный язык светского общения.

Хотя это кажется парадоксальным, но многие русские дворяне и дворянки говорили и писали на французском языке иногда даже лучше, чем на родном. Этот факт не раз упоминается в произведениях русской литературы начала XIX века или посвященных описанию жизни этого периода. Достаточно вспомнить пушкинскую Татьяну Ларину, которая свое признание в любви пишет Онегину по-французски, потому что «по-русски плохо знала» и не могла бы полно и глубоко передать свои мысли и чувства на русском языке. Кстати, и героини «Войны и мира» предпочитают писать друг другу на французском языке (пример – переписка Марьи Болконской и Жюли Карагиной).

Высшее общество воспринимало французскую культуру как нечто красивое, утонченное, модное, Франция определяла вкусы русского дворянства в манерах, поведении, этикете. Л.Н. Толстой понимал историческую закономерность этого влияния, но на страницах своего романа часто иронизировал над галломанией, слепым следованием модным тенденциям. Его любимые герои не так часто переходят на иностранный язык, не пересыпают свою речь французскими словами, как это делают, например, Жюли Карагина и Элен Курагина-Безухова или Анна Павловна Шерер и княгиня Лиза Болконская.

Сам автор использует французские слова в тех случаях, когда необходимо назвать какие-то детали быта, наименований которых в русском языке нет. Например, «суп а' la tortue» или «santeanmadere из рябчиков». Таким же приемом пользуются иногда и его герои. Во время приема у Шерер при описании костюма Ипполита Курагина цвет его панталон назван «cuisse de nymphes effrayees», причем, как отмечает автор, этим наименованием цвета пользуется Ипполит (*«как он сам говорил»*) [Толстой 1953: 1: 18].

Безусловно, не все русские дворяне одинаково хорошо владели французским языком. Провинциальные небогатые помещики не могли себе позволить тратить деньги на учителей-иностранцев для своих наследников. Часть дворян смотрела на все французское несколько свысока, полагая, будто пристрастие к иноземной одежде, искусству, манерам – это не более чем дурачество, дань ветреной моде. Таков в романе «Война и мир» старый князь Болконский, который хотя и обучал сына и дочь французскому языку, а в доме держал в качестве компаньонки княжны Марьи настоящую француженку m-lle Bourinne, но все-таки был сторонником старых отечественных традиций. Сам он не говорит на страницах романа по-французски, хотя, несомненно, знает этот язык, о чем свидетельствует, например, его обещание княжне Марье прочесть третье

письмо от Жюли и то, что за обедом по случаю приезда отца и сына Курагиных за столом говорят по-французски.

Салонность французского языка многократно подчеркивается Л.Н. Толстым в «Войне и мире». С первых строк романа французская речь «звучит» на страницах произведения, описывающих вечера в салоне Анны Шерер, гостиной Элен Курагиной-Безуховой, на светских обедах и балах. Анна Павловна, фрейлина и приближенная императрицы, любящая все новое, модное, чем можно удивить приглашенных, со своими гостями, конечно, говорит в основном по-французски, называет их *la crème de la véritable bonne société* (сливки настоящего хорошего общества) или *d'un homme de beaucoup de mérite* (человек с большими достоинствами). Повторяя эти высокопарные фразы, автор иронизирует над светским миром, его шаблонностью, фальшью, ограниченностью.

Л.Н. Толстой последовательно делит в романе жизнь своих героев на две части – жизнь домашнюю, семейную и жизнь официальную, связанную со службой или появлением в светском обществе. Бесспорно, что в семейной жизни должна преобладать искренность, естественность. Именно поэтому использование французского языка в домашнем кругу становится своеобразным мерилom подлинности чувств и отношений. Например, Ростовы в частных разговорах между собой не используют чужой язык, кроме традиционного в то время обращения *ma chérie* (обычно в речи графа) или редких вкраплений в речь французских афоризмов, как в диалоге Наташи с матерью, когда они обсуждают сватовство Болконского. Чтобы быть убедительнее и успокоить слишком взволнованную предстоящими изменениями в жизни дочь, графиня Ростова произносит по-французски «*Браки совершаются на небесах*» (*Les mariages se font dans les cieux*) [Толстой 1953: 1: 604].

По-французски любит говорить только Вера, чья манера речи больше напоминает манеру гостей салона Шерер, а не членов ее собственной семьи, от которых Вера всегда заметно отличалась. Ее неестественность в разговоре с Андреем Болконским на вечере у Бергов автор подчеркивает ироничными замечаниями об ограниченных людях, необходимости «тонких намеков на чувства» [Толстой 1953: 1: 600]. В ее французских фразах, клишированных и претендующих на глубину, проявляется ее собственная ограниченность наряду с заблуждением, что она тонка и проницательна.

А вот Курагины, самая фальшивая и безнравственная семья в романе, где отец презирает своих сыновей и заботится исключительно об их карьере или положении в свете, а мать открыто завидует успеху молодой и красивой дочери, почти всегда говорят по-французски, что неоднократно подчеркивает автор. Князь Василий, заботящийся исключительно о своем доходе и положении в свете, привык к французскому языку: «Он говорил на том изысканном французском языке,

на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми, тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состарившемуся в свете и при дворе значительному человеку» [Толстой 1953: 1: 6]. Для князя Василия нет никаких делений на светское и домашнее общение, потому что он всегда в маске придворного, в нем нет тепла и душевности, и его речь на смеси русского и французского языков закономерна для людей его круга.

Члены семьи Курагиных говорят так же, как отец. Когда князь Василий привозит Анатоля в Лысые горы для возможного сватовства к княжне Болконской, младший Курагин говорит с отцом о предполагаемой невесте на французском. И во время обеда у Болконских за столом княгиня Лиза поддерживает беседу с гостями *«разумеется, по-французски»*. Этим *«разумеется»* автор подчеркивает, что в присутствии Курагиных только такое обращение можно считать закономерным и вежливым.

И даже наедине с матерью Элен Безухова предпочитает говорить на иностранном языке: *«заговорила Элен, переводя разговор на французский с русского языка, на котором ей всегда казалась какая-то неясность в деле»* [Толстой 1953: 2: 304].

Во многом под влиянием французской культуры, в особенности романтической, было сформировано представление о герое, таинственном и прекрасном рыцаре, спасающем всех несчастных и обездоленных, попавших в сложную, часто почти безвыходную ситуацию. Именно таким героем выглядел в глазах Марьи Болконской Николай Ростов, оказавшийся поблизости от Богучарова по делам службы. Оставшись после смерти отца совсем одна, княжна должна была отправиться подальше от мест военных действий, но взбунтовавшиеся крепостные препятствовали ее отъезду. И вот в минуту полного отчаяния ей на помощь приходит Николай Ростов, чье участие в своей судьбе она воспринимает в романтико-героическом ключе: *«Она могла не верить ему, что ей не за что благодарить его. Напротив, для нее несомненно было то, что ежели бы его не было, то она, наверное, должна была бы погибнуть и от бунтовщиков и от французов; что он, для того чтобы спасти ее, подвергал себя самым очевидным и страшным опасностям; и еще несомненное было то, что он был человек с высокой и благородной душой, который умел понять ее положение и горе. Его добрые и честные глаза с выступившими на них слезами, в то время как она сама, заплакав, говорила с ним о своей потере, не выходили из ее воображения»* [Толстой 1953: 2: 174].

Для Л.Н. Толстого важно, что и Николай воспринимает встречу с Марьей Болконской примерно с теми же чувствами: *«Ростову тотчас же представилось что-то романическое в этой встрече. "Беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда! – думал Ростов, слушая ее и глядя на нее. – И какая кротость, благородство в ее*

чертах и в выражении! " – думал он, слушая ее робкий рассказ» [Толстой 1953: 2: 169]. Не столь начитанный и образованный, как княжна Болконская, молодой Ростов очень впечатлителен и отзывчив, именно поэтому его так трогает встреча с одинокой девушкой, так надолго она остается в его памяти, не теряя красок и силы.

Конечно, в сознании русского дворянства существовал образ идеальной Франции – страны тонкого вкуса, изящных манер и искусств, обители возвышенной любви. И хотя к началу XIX века реальная Франция, пережившая кровавую революцию, развязавшая большую войну в Европе, была уже совершенно другой, многие дворяне оставались верны эпохе Людовика XIV, а вторжение в их жизнь новой французской культуры вызывало лишь раздражение или отторжение. Об этом свидетельствует в частности замечание Анны Павловны Шерер о Пьере: *«...это безумный молодой человек, испорченный развратными идеями века. Я тогда еще сказала это, когда все восхищались им и он только приехал из-за границы и, помните, у меня как-то вечером представлял из себя какого-то Марата»* [Толстой 1953: 1: 464].

После вторжения наполеоновской армии на территорию Российской империи отношение ко всему французскому в высшем свете меняется. Об этом свидетельствует, например, разговор, произошедший на обеде у Ростовых по случаю награждения Николая георгиевским крестом. Гость графа Шиншин рассказывает о том, что из Москвы исчез модный доктор француз Метивье, а какого-то пойманного немца приняли за шпиона. Отношение к ситуации Л.Н. Толстой показывает здесь, употребляя слово *шампильон*, французское по происхождению (именно так, по словам Шеина, *«рассказывал сам граф РаSTOPчин»*), вместо слова *шпион*. Подозреваемого в принадлежности к французской армии РаSTOPчин отпускает, объяснив пойманшим его мужикам, будто *«это не шампильон, а просто старый гриб немец»* [Толстой 1953: 2: 90]. Игра слов здесь, создавая комический эффект, подчеркивает отношение верхушки московского дворянства к происходящему: попытки всеми возможными способами стараться сохранять спокойствие в народе, не преувеличивать опасность, не поддаваться панике и т.п. Однако Илья Андреевич, поддерживая, замечает, что сам он советует графине поменьше говорить по-французски, чтобы не вызвать ненужной реакции окружающих. В контексте этих разговоров особенно комично выглядит реплика Шеншина, построенная с помощью привычного тогда дворянам смешения русского и французского языков: *«Князь Голицын русского учителя взял, по-русски учится – il commence à devenir dangereux de parler français dans les rues» (становится опасным говорить по-французски на улицах)* [Толстой 1953: 2: 90].

Сознательный отказ дворян от французского языка в это время – не только боязнь быть принятым за шпиона, это еще и новое модное течение

в высшем обществе, которое сами дворяне считают исключительно проявлением своей патриотичности. Так, Жюли Карагина, всегда писавшая по-французски, объясняет в письме княжне Марье Болконской выбор русского языка: *«Я вам пишу по-русски, мой добрый друг, – писала Жюли, – потому что я имею ненависть ко всем французам, равно и к языку их, который я не могу слышать говорить... Мы в Москве все восторжены через энтузиазм к нашему обожжаемому императору»* [Толстой 1953: 2: 112].

Этот ложный, поверхностный патриотизм, вызванный модой и ситуацией, Л.Н. Толстой противопоставляет истинному патриотизму, который был свойственен и некоторым дворянам. Например, Илью Андреевича Ростова до слез трогает манифест императора Александра, обращенный к жителям Москвы, он вместе с семьей оставит на разграбление и уничтожение вещи своей уже разоренной семьи, чтобы увезти из опасной столицы раненых.

Л.Н. Толстой выдвигает в романе-эпопее еще одну важную для него мысль: даже образованный русский дворянин все равно остается баринном, владельцем душ, хозяином не только своей земли, но и людей, вольно распоряжаясь их судьбами и жизнями. Чтение французской литературы, усвоение правил хорошего тона, знакомство с передовой философской мыслью не мешали помещикам оставаться жесткими хозяевами, сурово наказывающими крепостных. Так ведет себя Николай Ростов, ставший в эпилоге романа богатым помещиком, поправившим дела своего отца и постоянно умножающим свой капитал. Читатель не может упрекнуть Ростова в бессердечии или неумении чувствовать, но в своих хозяйственных делах Николай Ильич проявляет твердость, бескомпромиссность и несдержанность нрава. Только Марья, ставшая его женой, способна вернуть мужа к рассудительности и спокойствию, ей Николай обещает никогда не поднимать руку на крестьян, не срывать на них. То есть вовсе не дворянское воспитание, не следование правилам этикета, не знакомство с европейской культурой и традициями делает Ростова человечнее и порядочнее, а любовь и уважение к жене. Таким образом, рассказывая в эпилоге романа-эпопеи о жизни новой семьи Ростовых, Л.Н. Толстой приводит читателя к мысли о том, что, даже пройдя войну 1812 года, увидев Европу, ближе познакомившись с ее нравами и порядками, вдохнув воздух свободы, русский барин оставался часто тем же русским помещиком, хозяином и крепостником, не признающим в собственных владениях ни демократии, ни вольнодумства. Взаимодействие с европейскими векторами развития общества и культуры не оставляло в мировоззрении части русского дворянства значимого следа, сохраняясь только модным налетом аристократического блеска.

Глубокие размышления о специфике проникновения французского языка и французской бытовой культуры в сознание и жизнь дворянства

высказывает во время обеда у Николая Андреевича Болконского граф Ростопчин: *«И где нам, князь, воевать с французами! – сказал граф Ростопчин. – Разве мы против наших учителей и богов можем ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, на наших барышень. Наши боги – французы, наше царствие небесное – Париж!»* [Толстой 1953: 1: 694].

У говорящего эта ситуация не вызывает восторга, и, хотя он не произносит ни слова о потере национальной идентичности, о разрушении национальных традиций, но имеет в виду именно это: *«Костюмы французские, мысли французские, чувства французские! Вы вот Метивье вашей выгнали, потому что он француз и негодяй, а наши барыни за ним ползком ползают. Вчера я на вечере был, так из пяти барынь три католички и, по разрешению папы, в воскресенье по канве шьют. А сами чуть не голые сидят, как вывески торговых бань, с позволения сказать. Эх, поглядишь на нашу молодежь, князь, взял бы старую дубину Петра Великого из кунсткамеры да по-русски обломал бы бока, вся дурь бы соскочила!»* [Толстой 1953: 1: 694].

Пожалуй, Л.Н. Толстой согласен со своим героем, многое из того, что было заимствовано у французов, кажется ему ненастоящим, ложным, поверхностным. Об этом говорят авторские слова в эпилоге, где описывается новая жизнь Наташи Ростовской, ставшей женой Пьера и матерью его детей. Автор сообщает, что графиня Безухова *«не следовала тому золотому правилу, проповедоваемому умными людьми, в особенности французами, и состоящему в том, что девушка, выходя замуж, не должна опускаться, не должна бросать свои таланты, должна еще более, чем в девушках, заниматься своей внешностью, должна прельщать мужа так же, как она прежде прельщала не мужа»* [Толстой 1953: 2: 702]. Французское здесь можно рассматривать как синоним ложного, не соответствующего истинному представлению о долге жены и женщины. Словосочетания *золотое правило* и *умные люди* звучат иронично, подчеркивая отношение к подобным «золотым правилам» чуждой, даже скорее абсолютно чуждой русскому человеку жизни. Пожалуй, это главный вывод, к которому приходит Л.Н. Толстой, размышляя на страницах романа-эпопеи о взаимодействии французской культуры с отечественной, о влиянии языка, литературы, традиций Франции на русское дворянство начала XIX века.

Библиографический список

Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» // Критика 60-х годов XIX века / сост., преамбулы и примеч. Л.И. Соболева. М.: Астрель, 2003. 445 с.

Ремер А.Ф. О знании древних классических и новейших языков в гимназиях. Воронеж: тип. В. Гольдштейна, 1869. 24 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Художественная литература, 1953. Т. 1–4.

Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogue de la langue française/ par Paul Robert. Paris: Le Robert, 1983. 897 с.

Le Petit Larousse illustre. Paris: Le Robert, 2009. 1818 с.